

Черная пасха / поэма

Category: Kitapcy, Poesmalar

написано kitapcy | 24 января, 2025

Черная пасха / поэма ЧЕРНАЯ ПАСХА

1. Канун

Скопление луж как стадо мух,
Над их мерцанием и блеском,
НАД расширяющимся плеском
Орет вороний хор.
И черный кровоток старух
По вене каменной течет вдоль глаз в притвор
Апрель, удавленник, черно лицо твоё,
Глаза серей носков несвежих,
Твоя полупрозрачна плешь,
Котел – нечищенный, безбрежный,
Где нежный праздник варят для народа –
Спасительный и розовый кулеш.

Завтра крашеные яйца,
Солнца легкого уют,
Будем кротко целоваться,
Радоваться, что мы тут.
Он воскрес – и с Ним мы все,
Красной белкой закружились в колесе
И пылинкою в слепящей полосе.

А нынче, нынче все не то...
И в церкву не пройти
На миг едва-едва вошла
В золотозубьга рот кита миллионера,
Она все та же древняя пещера,
Что, свет сокрыв, от тьмы спасла,
Но и сама стеною стала,
И чрез нее, как чрез забор,
Прохожий Бог кидает взор.

Войдешь – и ты в родимом чреве:
Еще ты не рожден, но ты уже согрет
И киноварью света разодет.

Свечи плачутся, как люди,
Священника глава на блюде
Толпы – отрубленной казалась.
В глазах стояла сырость, жалость.
Священник, щука золотая,
Багровым промелькнул плечом,
И сердца комната пустая
Зажглась оранжевым лучом.
И, провидя длань Демиурга
Со светящимся мощно кольцом,
В жемчужную грязь Петербурга
Я кротко ударю лицом.
Лапки голубю омыть,
Еще кому бы ноги вымыть?
Селедки выплюнутая глава
Пронзительно взглянула,
Хоть глаз её давно потух,
Но тротуар его присвоил
И зренье им свое удвоил.
Трамвай ко мне, багрея, подлетел
И, как просвирку, тихо съел.
Им ведь тоже, багровым, со складкой на шее,
Нужно раз в году причаститься.

2. Где мы?

Вот пьяный муж
Булыжником ввалился
И, дик и дюж,
Заматерился.
Он весь как божия гроза;
«Где ты была? С кем ты пила?
Зачем блестят твои глаза
И водкой пахнет?» –

И кулаком промежду глаз
Как жахнет.
И льется кровь, и льются слезы.
За что, о Господи, за что?
Еще поддаст ногою в брюхо,
Больной собакой взвизгнешь глухо
И умирать ползешь,
Грозясь и плача, в темный угол.
И там уж волю вою дашь.
Откуда он в меня проник –
Хрипливый злой звериный рык?
Толпой из театра при пожаре
Все чувства светлые бежали.
И боль и ненависть жуешь.
Когда затихнешь, отойдешь,
Он здесь уже, он на коленях,
И плачет и говорит «Прости,
Не знаю как... ведь не хотел я...»
И темные слова любви
Бормочет с грустного похмелья.
Перемешались наши слезы,
И я прощаю, не простив,
И синяки цветут, как розы.

....
Мы ведь – где мы? – в России,
Где от боли чернеют кусты,
Где глаза у святых лучезарно пусты,
Где лупцуют по праздникам баб...
Я думала – не я одна, –
Что Петербург, нам родина – особая страна,
Он – запад, вброшенный в восток,
И окружен, и одинок,
Чахоточный, всё простужался он,
И в нем процентщицу убил Наполеон.
Но рухнула духовная стена –
Россия хлынула – дурна, темна, пьяна.
Где ж родина? И поняла я вдруг:

Давно Россиею затоплен Петербург.
И сдернули заемный твой парик,
И все увидели, что ты –
Все тот же царственный мужик,
И так же дергается лик,
В руке топор,
Расстегнута ширинка...
Останови же в зеркале свой взор
И ложной красоты смахни же паутинку
О Парадиз!
Ты – избяного мозга порожденье,
Пропахший щами с дня рожденья.
Где ж картинка голландская, переводная?
Ах, до тьмы стоя мух засидела родная,
И заспала тебя детоубийца –
Порфиноносная вдова,
В тебе тамбовский ветер матерится,
И окает, и цокает Нева.

3. Разговор с жизнью во время тяжелого похмелья

Багрянит око
Огнем восток,
Лимонным соком
Налит висок.
И желт состав,
Как из бутылки,
Пьет жизнь, припав
Вампиром к жилке.
Ах, жизнь, оставь,
Я руку ли тебе не жала,
Показывала – нет кинжала,
А ты, а ты не унялась...
И рвет меня
Уже полсуток.
О подари хоть промежуток –
Ведь не коня.

Ну на – терзай, тяни желудок к горлу,
Все нутро – гляди – в нем тоже нет оружия,
Я не опасна, я – твоя,
Хоть твоего мне ничего не нужно.
Но, тихая, куском тяжелым мяса,
Она прижмется вся к моим зрачкам.
Жива ль она? Мертва? Она безгласна,
И голос мой прилип к ее когтям.
И, как орел, она несет меня
Знакомыми зелеными морями,
Уронит и поймает вновь, дразня,
И ластится румяными когтями.
Как сердце не дрожит,
Но с жизнью можно сжиться:
То чаем напоит,
То даст опохмелиться.

4. Испытание

Воронкой лестница кружится,
Как омут Кто-то, мил и тих,
Зовет со дна – скорей топиться
В камнях родимых городских.
Ведь дьяволу сверзиться мило,
И тянет незримо рука
Туда, где пролет ниспадает уныло
Одеждой моей на века.
Он хочет, он хочет вселиться
И крови горячей испить,
И вместе лететь и разбиться,
По камню в истоме разлиться,
И хрустнуть, и миг – да не быть.
Но цепь перерождений –
Как каторжные цепи,
И новый облик душу,
Скокетничав, подцепит.
Ах, гвоздь ведь не знает –

Отчего его манит магнит,
И я не знаю — кто со дна
Зовёт, манит.
Может, кто-то незримый, родной,
И так же, как я, одинок. .
Торговцем злобным сатана
Чуть-чуть меня не уволок —
Конфетой в лестницы кулёк,
Легко б лететь спьяна.
Но как представляю эту смесь —
Из джинсов, крови и костей,
Глаз выбитый, в сторонке крестик...
Ах нет, я думаю, уволь.
А мы — зачем мы воскресаем
Из боли в боль?
И кровь ручонкою двупалой,
Святящейся и темно-алой
Тянется в помещение под лестницей,
Где лопаты и метлы...
Там-то её пальчики прижали,
Там они увяли, засохли.

5. Наутро

Я плыву в заливе перезвона,
То хрипит он, то — высок до стопа.
Кружится колокольный звон,
Как будто машет юбкой в рюшах,
Он круглый, как баранка он,
Его жевать так рады уши.
Христосует ветер и, косматый,
Облупливает скорлупу стиха.
А колокольная девочкой носатой
За облаками ищет жениха.

6. Обычная ошибка

Сожженными архивами

Кружится воронье.
На площадь черно-сивую
Нет-нет да плюнет солнце.
И кофеем кружит народ
На городских кругах.
И новобранцем день стоит,
Глядит в сухих слезах.
Бывают дни, такие дни,
Когда и Смерть, и Жизнь
Близнятами к тебе придут, —
Смотри не ошибись.
Выглядят они просто —
На них иссиние пальто
Торжковского пошива,
И обе дамочки оне
Торгового пошиба.
Губки крашены сердечком
И на ручках по колечку.
И я скажу одной из них —
У ней в глазах весна:
«Конечно, ты — еще бы — Жизнь,
Ты, щедрая, бедна.»
Но вдруг я вижу, что у ней
Кольцо-то на кости.
И на коленях я к другой
«Родимая, прости!»
Но в сердце ужас уж поет,
Жужжит сталь остря.
Бумагу Слово не прожжет,
Но поджелтит края.

1974.

Елена ЩВАРЦ. Poemalar